

18+

Три жизни,
Три мира

Шаг рождает ЛОТОС

ЖЕЛАНИЕ БОГОВ

Тан Цзи

Тан Ци
Три жизни, три мира.
Шаг рождает лотос.
Желание богов. Книга 2
Серия «Хиты Китая. Три
жизни, три мира», книга 5

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73397648

Три жизни, три мира : Шаг рождает лотос. Желание богов : роман / Тан Ци ; перевод с китайского Е. Воейковой (Deinacari).: АСТ; Москва;

2026

ISBN 978-5-17-180141-0

Аннотация

Какова цена попытки изменить предначертанное?

Освободившись от сожалений прошлого, юная княжна Чэн Юй впервые смотрит в будущее – и видит там Лянь Суна. Она ищет с ним встречи, но тот запрещает себе даже думать о ней. Он знает: будущего у них нет. Связь бога и смертной принесет одни страдания.

В это время на границе вспыхивает война. Лянь Сун, решив исчезнуть из жизни Чэн Юй, отправляется на передовую. Княжне остается только исполнить свой долг: она соглашается выйти

замуж за иноземного принца, чтобы заключить необходимый ее стране союз.

Однако ни Чэн Юй, ни Лянь Сун не подозревают, что все происходящее с ними – это часть испытания, начавшегося тысячи лет назад...

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	52
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Тан Ци
Три жизни, три
мира: Шаг рождает
лотос. Желание богов

Серия «Хиты Китая. Три жизни, три мира»

####.###.2 ##

##

THREE LIVES AND THREE WORLDS.
STEP BY STEP. VOLUME 2
TANG QI

This edition is published by AST Publishers LTD
arrangement through the agency of Tianjin Mengchen Cultural
Communication Group Co., Ltd.

梦辰文化
MENGCHEN

Copyright © Tang Qi

Cover illustration © People's Literature Publishing
House Co., Ltd

All rights reserved.

© ООО «Издательство АСТ», 2026

© Воейкова Е., перевод на русский язык, 2026

Глава 1

В ночь праздника Моления о мастерстве, когда глубокая тьма уже окутала землю, Лянь Сун вывел их из Загробного мира обратно в мир смертных. Чэн Юй смутно помнила возвращение – ее разбудили уже в пути.

Очнувшись на мгновение у врат Загробного мира, она успела заметить, что ее несет на спине наставник государства, а третий братец Лянь шагает впереди. В полудреме Чэн Юй выскользнула из рук даоса, затем, пошатываясь, сделала несколько шагов, ухватилась за ладонь генерала и уткнулась лицом в складки его одежды.

– Разве я не поручил тебе присматривать за ней? – услышала она холодный голос Лянь Суна сквозь туман в сознании.

– Госпожа внезапно вырвалась, – оправдывался Су Цзи, – я не ожидал... Возможно, ей кажется, что рядом с генералом

безопаснее? – Он даже восхитился: – Госпожа и во сне проявляет такую осмотрительность!

Его болтовня действовала на Чэн Юй усыпляюще. Дремота накатывала с невероятной силой.

– Спать... – пробормотала Чэн Юй.

Лянь Сун промолчал, но через мгновение обнял ее за плечи, а затем и вовсе подхватил на руки, позволив уснуть у себя на груди.

На следующее утро княжна проснулась уже в своих покоях.

С тех пор Лянь Сун в угодах Извилистых потоков больше не появлялся.

– Генерал отбыл в столичный гарнизон тренировать войска, – доложила Ли Сян.

Чэн Юй ненадолго опечалилась, но вскоре вернулась к привычной жизни. Ни император, ни великая вдовствующая императрица не заметили перемен.

После того памятного состязания по цзицзюю в Западном саду поле у дворца Яркой луны так и не закрыли. Госпожа Ци часто звала княжну поиграть в новые игры с мячом.

– Хоть бы не под палящим солнцем носились! – лишь ворчал на это император, но ограничений не накладывал, так что жилось Чэн Юй очень приятно.

Изредка к Чэн Юй и Ци Иньэр присоединялся Ци Минфэн. Сначала он просто наблюдал за игрой со стороны, но потом молодая госпожа Ци пригласила его присоединиться.

Княжич так впечатлил ее своим мастерством владения мячом, что в итоге она предложила ему стать частью их команды. Поэтому время от времени Чэн Юй тоже играла вместе с княжичем Цзи.

После семи-восьми дней игры ее интерес к великолепному полю у дворца Яркой луны начал угасать, и Чэн Юй все больше скучала по Лянь Суну. Спустя несколько дней она случайно столкнулась с наставником государства и узнала от него, что третий господин Лянь чрезвычайно занят военными делами и вряд ли вернется в угодыя Извилистых потоков для сопровождения императора. Тогда княжна снова начала думать о том, как бы улизнуть. Она пыталась трижды – и трижды попадалась императору. Дважды ее в наказание ставили на колени и один раз заперли в покоях размышлять над поведением.

Когда Чэн Юй выпустили из заточения, уже прошел сезон Конца жары¹. Летний зной спал, и все придворные готовились к возвращению в столицу. Чэн Юй была вне себя от радости, предвкушая, как через пару дней вернется в пагоду Десяти цветов и обретет свободу. Всем на удивление она несколько дней просидела спокойно.

Княжна рассчитывала, что третий братец Лянь к тому времени уже должен будет вернуться с учений, и собиралась

¹ Конец жары (*кит. ##*) – в традиционном китайском календаре четырнадцатый из двадцати четырех сельскохозяйственных сезонов. Он начинается 22–24 августа, знаменуя собой постепенный спад летнего зноя, и заканчивается примерно 7–8 сентября.

навестить его в имении сразу по возвращении в город.

Но по приезде она сначала столкнулась с Сяо-Хуа, у которой было срочное дело.

Оказалось, Сяо-Хуа недавно влюбилась в монаха, но понимала, что те дают обеты воздержания от страстей, гнева и привязанностей и вряд ли он захочет быть с ней. Красавица пребывала в смятении и не знала, что делать, поэтому ждала возвращения Чэн Юй, чтобы поговорить с ней по душам и излить свое горе.

Выслушав ее, Чэн Юй помолчала, а затем сказала:

– Разве ты не влюблена в моего третьего брата? Кажется, в прошлом месяце ты говорила, что он необыкновенно хорош собой и его нельзя упускать.

Хуа Фэйю тоже ответила не сразу.

– О, генерал Лянь... Генерал Лянь – это история прошлой весны, а сейчас уже осень... – Она мечтательно посмотрела в окно и ответила так, как ответил бы какой-нибудь поэт: – Каждому времени года нужна своя история.

Идею подруги Чэн Юй не совсем поняла, да и не стремилась понять. Ее больше беспокоила сама Сяо-Хуа. Ведь та была духом-оборотнем, и Чэн Юй считала, что любой уважающий себя монах при виде Хуа Фэйю первым делом попытается либо изгнать ее, либо уничтожить – как Фа Хай поступил с Бай Сучжэнь.

Чтобы заставить Сяо-Хуа осознать свои заблуждения и вернуться на путь истинный, Чэн Юй отвела ее послушать

постановку под названием «Фа Хай, ты не понимаешь любви».

Посещение имения великого генерала пришлось отложить на следующий день.

Однако на тот самый следующий день полная ожиданий Чэн Юй вновь не застала Лянь Суна. Тянь Бу встретила ее и сообщила, что генерал все еще в столичном лагере и когда он вернется – неизвестно.

На второй, третий, четвертый, пятый, шестой день... Чэн Юй ежедневно приходила к имению в надежде застать третьего братца Ляня. Тянь Бу раз за разом уверяла: как только генерал вернется, она немедленно сообщит ему о том, что княжна приходила. Но, несмотря на это, Чэн Юй почему-то не находила покоя и чувствовала необходимость приходить снова и снова.

Однажды Тянь Бу многозначительно вздохнула:

– Госпожа, кажется, вы очень скучаете по моему господину.

Чэн Юй не уловила намека и простодушно ответила:

– Очень скучаю. Мы так давно не виделись.

Тянь Бу улыбнулась:

– Почему вы так сильно скучаете по нему? Почему хотите его увидеть?

Княжну этот вопрос озадачил. Она никогда не задумывалась почему. Возможно, ее тоска по Лянь Суну была сродни тоске по члену семьи.

– Наверное, потому, что не вижу его, – ответила она. – На сердце тревожно, будто я что-то потеряла. – Чэн Юй снова ощутила эту пустоту и вздохнула. – Ладно, раз его сегодня нет, завтра приду снова.

Но помощница остановила ее:

– Подождите, госпожа. – Когда Чэн Юй вопросительно обернулась, Тянь Бу серьезно посмотрела на девушку: – А если генерала не будет все время? Вы будете приходить каждый день?

– Почему его не будет? – удивилась Чэн Юй.

– Предположим, что просто не будет.

Княжна нахмурилась:

– Конечно буду приходить. Он не может отсутствовать вечно. Даже если ему снова придется вести армию в поход, сначала он вернется в город для церемонии. Тогда я его точно увижу.

Тянь Бу покачала головой:

– Я не об этом... – Но она не стала продолжать. – Забудьте, что я сказала. – В ее улыбке промелькнула тень жалости. Вот только кого она жалела, было не понять.

Да и Чэн Юй той тени не заметила.

Она приходила в имение в разное время – то на рассвете, то на закате, но никогда в полдень.

В те дни Цзи Минфэн каждый день приглашал ее прогуляться по озеру или горам. Полуденное время она почти всегда проводила с ним за городом, а не в стенах столицы. Если

бы приглашал один лишь княжич Цзи, она бы, конечно, отказалась, но он неизменно появлялся вместе с Ци Иньэр.

Молодая госпожа Ци не любила заводить друзей, и то, что она так сблизилась с Цзи Минфэном, было удивительно. Видя ее воодушевление, Чэн Юй соглашалась поехать с ними.

В представлении Чэн Юй княжич Цзи был скучным человеком, предпочитающим проводить досуг в зале для занятий. Но после нескольких прогулок с ним и госпожой Ци она обнаружила, что Цзи Минфэн вовсе не лишен изысканного вкуса. Конечно, до нее ему было далеко, но по сравнению с лекарем Ли, чьи развлечения ограничивались играми на деньги да посещением весенних домов, он был куда интереснее.

Например, однажды княжич Цзи привел их в рощу османтусов на склоне горы Малая Яотай. Ласково светило осеннее солнце, благоухали османтусы. Цзи Минфэн принес с собой набор для вина, собрал дикие сливы и разогрел вино прямо под деревьями. А Чэн Юй с молодой госпожой Ци сидели под раскидистыми кронами, играли в кости и пайцзю² – и весь день прошел чудесно.

Или в другой раз он повел их к горному ручью за горой Большая Яотай. Дул прохладный осенний ветерок, журчал ручей. Княжич Цзи приготовил для них чай из его вод, нарубил веток фруктовых деревьев и поджарил рыбу на костре.

² Пайцзю (*кит. ##*) – традиционная китайская игра, в которой используются игровые кости-домино.

А Чэн Юй с молодой госпожой Ци сидели у огня, играли в кости и пайцзю – и снова день прошел чудесно.

А еще он сводил их к отшельнику в глубине гор. На небе не было ни облачка, пели птицы. Княжич Цзи побеседовал с мудрецом о таинственном, попутно собрав в огороде отшельника овощи, чтобы приготовить им постные блюда. А Чэн Юй с молодой госпожой Ци сидели у огорода, слушали их разговоры, играли в кости и пайцзю – и снова день прошел чудесно.

После нескольких таких вылазок Чэн Юй поняла, что проводить время с Ци Иньэр и княжичем Цзи куда интереснее, чем сидеть одной в городе.

Молодая госпожа Ци считала себя человеком грубым и тонких намеков не понимающим, но даже она заметила, что в последние дни Чэн Юй чем-то озабочена. Конечно, та веселилась вместе с ними, но, сама того не замечая, то и дело погружалась в мысли.

Что именно связывало Чэн Юй, Лянь Суна и Цзи Минфэна, Ци Иньэр до конца не понимала. Но почему подруга блуждает в своих мыслях, догадаться было нетрудно.

В эти дни Чэн Юй не переставала думать о Лянь Суне.

Со стороны все было ясно.

Как третий господин Лянь относится к Чэн Юй, молодая госпожа Ци не знала, но вот то, что княжич Цзи явно питал к ней чувства, было очевидно. А сама Чэн Юй как ни в чем не бывало то и дело упоминала Лянь Суна в присутствии Цзи

Минфэна.

Когда княжич Цзи водил их в османтусовую рощу, Чэн Юй собирала цветы, приговаривая, как они прекрасны и как ей хочется отнести их третьему братцу Ляню для создания благовоний.

Когда княжич Цзи повел их к ручью, она набрала воды, заявив, что та вкусна и подойдет третьему братцу для чая.

Когда они посетили отшельника, княжна вырвала с грядки пучок овощей и, восхитившись их свежестью, сказала, что ими надо обязательно поделиться с Лянь Суном.

Каждый раз в такие моменты княжич Цзи мрачнел, как туча.

Ци Иньэр сочувствовала ему и даже восхищалась – как он терпел такие намеки день за днем, что за необыкновенный человек! И еще ей было любопытно, сколько дней он так продержится.

Ответ оказался: восемь. Видимо, это действительно был предел.

Но, даже взорвавшись, княжич Цзи сделал это с ледяным спокойствием. Возможно, так проявлялась его природная сдержанность: какие бы бури ни бушевали в душе княжича, они оставались скрытыми, как морские течения, невидимые для глаз.

– Он не заслуживает такого твоего отношения, – произнес Цзи Минфэн.

В тот момент Чэн Юй как раз обсуждала с молодой госпо-

жой Ци охоту на оленей. Услышав эти шесть слов, Ци Инь-эр благоразумно решила оставить этих двоих наедине, молча натянула поводья и отстала.

Чэн Юй тоже расслышала его слова. Она замолчала на мгновение, словно обдумывая что-то, прежде чем задала встречный вопрос:

– Княжич Цзи только что сказал, что третий братец Лянь не заслуживает такого моего отношения? – Она подняла глаза. – Какого *такого* моего отношения он не заслуживает?

Скакун Цзи Минфэна, Белый Скороход, ехал чуть быстрее ее драгоценного Персика, однако княжич ответил, не оборачиваясь:

– Он не заслуживает, чтобы ты постоянно говорила о нем, – объяснил княжич. – Не заслуживает, чтобы ты неизменно приносила ему подарки. Не заслуживает того, чтобы, как бы поздно ни было, ты приходила к дверям его имения. И уж тем более не заслуживает... – В его ровном голосе наконец прозвучало раздражение, и он, осознав это, замолчал.

Белый Скороход остановился, и конь Чэн Юй последовал его примеру.

Княжич Цзи долго молчал, а затем посмотрел на нее:

– Ты поместила его в свое сердце. Но какое же место он отвел тебе?

Чэн Юй сидела в седле, одной рукой держа поводья. Ее лицо сохраняло спокойствие, но в этот момент она была совершенно сбита с толку.

Для нее и ежедневные походы к третьему братцу Ляню, и подарки ему были пустяками – ей все равно нужно было чем-то заняться в свободное время. Слова княжича Цзи о том, что братец Лянь всего этого не заслуживает, казались ей преувеличением. Но почему княжич делает из мухи слона? Она подумала и вдруг вспомнила, что Цзи Минфэн, кажется, всегда не ладил с третьим братцем Лянем. Возможно, ему просто неприятно слышать о нем.

Чэн Юй кивнула своим мыслям, не придав им особого значения, и, слегка сжав бедрами бока лошади, пустила Персика вперед.

– Поняла. Впредь я не буду упоминать третьего братца Ляня при вас.

Но Цзи Минфэн развернул коня и преградил ей путь.

– Ты ничего не поняла.

Княжич смотрел на нее не мигая. В глубине его спокойного взгляда мелькнуло нечто, чему Чэн Юй не могла дать названия.

– Он обманул тебя. – Голос Цзи Минфэна дрогнул, будто он боролся с собой. – Третий господин Лянь... лгал тебе.

Чэн Юй недоуменно моргнула. Княжич Цзи отвернулся, словно не решаясь смотреть, как изменится ее лицо, когда он нанесет свой жестокий удар.

– Сегодня утром ты была в его имении и тебе сказали, что его нет?

Действительно, сегодня рано утром ее встретил незнако-

мый слуга – не Тянь Бу, а какой-то юноша с приятной внешностью и мягкими манерами – и сообщил, что генерала нет, как нет и Тянь Бу.

Выслушав ее ответ, Цзи Минфэн помолчал, затем нахмурился.

– Третий господин Лянь вернулся прошлой ночью. Когда ты приходила сегодня, он был дома. – Он потер переносицу, все еще не глядя на Чэн Юй. – Я знаю, что ты хочешь сказать. Ты всегда находишь оправдания тем, кто больше не заслуживает твоего доверия. Ты скажешь, возможно, он был слишком занят... или что его служанка забыла сообщить о том, что ты приходила.

Княжич запнулся, будто не решаясь продолжать, но все же произнес:

– Но после твоего ухода принцесса Яньлань пришла к нему с картинами для оценки – и ее впустили. Потом господин Лянь повел ее в башню Цзяндун на утренний чай... Не похоже, что он был занят.

Чэн Юй не ответила. Ее мысли где-то блуждали.

Она поняла, на что намекает Цзи Минфэн – третий братец Лянь избегает ее.

Если он действительно вернулся прошлой ночью, то такое поведение и правда похоже на попытку уклониться от встречи с ней. Но... почему?

Она вспомнила последнюю ночь, когда видела третьего брата Ляня. Все было прекрасно. Конечно, Цзи Минфэн

преподал ей урок: порой человеку может внезапно опротиветь другой человек, и для этого нет никакой причины.

Но у них с Лянь Суном такого быть не могло.

Да, он бывал переменчив и непредсказуем, но всегда хорошо к ней относился. Его забота была искренней. Он вытирал ее слезы, держал за руки, когда ей было больно. Третий братец Лянь никогда не причинил бы ей вреда.

Очнувшись от раздумий, Чэн Юй встретила взгляд Цзи Минфэна. Нахмурившись, она бессознательно потянула тетиву лука за спиной и отпустила – тонкий звон струны прозвучал, как вздох.

– Может, это и правда недоразумение? – Чэн Юй подняла на княжича глаза. – Служанка забыла передать, слуга ошибся... Возможно, он действительно не знает, что я его жду.

Цзи Минфэн молча смотрел на нее. Затем наконец выдохнул:

– А-Юй... Он не заслуживает твоей доброты.

Яньлань не ожидала, что сегодня сможет вместе с третьим господином Лянем выпить утренний чай в башне Цзяндун.

После праздника Моления о мастерстве они не виделись больше месяца. Кроме тех случаев, когда Лянь Сун уезжал с войсками в поход, столь долгая разлука была редкостью. Поэтому, услышав вчера от вдовствующей императрицы о его возвращении, Яньлань с утра поспешила к имению генерала под благовидным предлогом.

По дороге она думала, что третий принц целый месяц находился в гарнизоне и теперь наверняка был занят делами. Возможно, на этот раз она его не увидит. Каково же было ее удивление, когда он не только принял ее, но и сам пригласил на утренний чай.

Тогда Яньлань показалось, что у него хорошее настроение.

Теперь же она так не думала.

В Бамбуковых покоях они сидели друг напротив друга за игрой в вэйци. Всего за несколько ходов третий принц загнал ее в безвыходное положение, вынудив сдаться. Раньше такого не случалось.

Конечно, ее мастерство игры не шло ни в какое сравнение с его, но прежде его высочество всегда подыгрывал ей, чтобы поражение не выглядело слишком унижительным.

В начале второй игры генерал Лянь дал ей преимущество в двадцать четыре камня³ – и все равно она быстро проиг-

³ «Преимущество в двадцать четыре камня» в вэйци означает, что более сильный игрок перед началом партии выставляет на доску 24 камня за более слабого игрока, чтобы уравнивать их шансы. Таким образом слабый игрок начинает игру, уже имея выстроенную и прочную территорию по всему полю.

рала под его безжалостным натиском. Сегодня он не утруждался игрой в поддавки: третья игра прошла так же.

Проиграла принцесса Яньлань, но именно его высочество нахмурился и первым отодвинулся от доски.

– Пусть с тобой сыграет Тянь Бу.

Сегодня принц был немногословен, словно и игра, и их с Тянь Бу присутствие его раздражали.

На самом деле Яньлань не хотела играть с Тянь Бу, но не посмела возразить. Поэтому ей оставалось лишь рассеянно делать ходы и украдкой наблюдать за третьим принцем.

Бамбуковый зал башни Цзяндун выходил на озеро. Изумрудные воды, золотистые ивы – осенний вид был восхитителен. Его высочество сидел у окна в нескольких шагах от Яньлань. Он смотрел наружу, но едва ли любовался очарованием природы. Появившаяся у него между бровей складка так и не разгладилась.

Яньлань немного волновалась. Она не знала, что приключилось с его высочеством. Почему даже прекрасное озеро и белоцветная отмель не радовали его? Неужели он вовсе не замечал эту красоту? Такой третий принц вызывал тревогу.

Вдруг снизу донесся шум. Вошел подавальщик, чтобы налить им свежий чай, и служанка принцессы поинтересовалась, в чем дело. Оказалось, внизу пировала команда игроков в цуцзюй. Молодежь любит веселье, поэтому так шумно.

Услышав о цуцзюе, Яньлань вдруг вспомнила: когда в прошлый раз они с третьим принцем приходили сюда, этот

же болтливый подавальщик рассказывал о местных командах и их забавных расправах. Ее они не сильно увлекали, зато она помнила, что его высочество тогда не только слушал, но и спустился познакомиться с одним особенно талантливым игроком, которого так расхвалил слуга. Кажется, того гения звали молодой господин Юй.

Подумав об этом, Яньлань внезапно встрепенулась и негромко окликнула уже уходящего подавальщика:

– Среди пирующих есть тот самый молодой господин Юй из вашего квартала Кайюань?

Если юноша внизу – возможно, стоит попросить его подняться. Кто знает, не развеет ли его присутствие мрачное настроение третьего принца.

Слуга не догадывался о ее замыслах и потому решил, что и гостя очарована обаянием его драгоценного молодого господина Юя. Он сразу оживился:

– Уважаемая госпожа тоже знает нашего молодого господина Юя? – Затем он скривился: – Но сегодняшний пир устроил не он, а глава квартала Аньлэ. На прошлых состязаниях мы разгромили их со счетом «пятнадцать – три», доведя до слез. Теперь квартал Аньлэ жаждет мести. Они наняли двух новых мастеров игры в цуцзюй, чтобы те вызвали нашего молодого господина Юя на поединок. Пир внизу устроили в честь тех мастеров.

Пока подавальщик говорил, Яньлань украдкой наблюдала за третьим принцем, но тот по-прежнему смотрел в окно,

не проявляя особого интереса к беседе. Разочарованная, она рассеянно продолжила:

– Противники пригласили помощников – наверное, ваш господин сильно обеспокоен.

подавальщик усмехнулся:

– Вы шутите, уважаемая госпожа! Чего тут беспокоиться? В Пиньане сто двадцать кварталов, и каждый год находится если не сотня, то восемьдесят желающих вызвать нашего господина на поединок. Но одно дело – вызвать, другое – добиться, чтобы вызов приняли! – И добавил: – Наш молодой господин обычно отклоняет такие вызовы.

Теперь Яньлань и вправду заинтересовалась:

– Почему?

Слуга почесал затылок:

– Говорят, молодой господин считает, что, когда все играют вместе – это еще ничего. Даже если команда играет плохо и это выводит господина из себя, его гнев как-никак распределяется на двенадцать игроков. Но один на один – это уже испытание. Если соперник окажется слишком плох, господин может не удержаться от драки. Что тогда делать? За драки его могут и от соревнований отстранить, потому нет, спасибо.

Принцесса на миг опешила, а затем рассмеялась:

– Какая самонадеянность!

подавальщик смущенно кивнул:

– Да, некоторые называют господина самонадеянным... –

Тут же он твердо добавил: – Но наш господин и вправду играет блестяще! Да и красив больно. Потому, когда он так говорит, мы думаем о том, что наш господин само очарование, а не о том, что у него ветер в голове гуляет.

Яньлань замолчала, но ее бойкая служанка, выслушав похвалы подавальщика, не сдержалась:

– Раз госпожа назвала его самонадеянным, значит, так оно и есть! И что с того, что красив? И потом – насколько он может быть красив?

Принцесса бросила на нее взгляд. Служанка тут же прикусила язык, но в ее глазах все еще читалось возмущение. Подавальщик, однако, тоже не привык сдаваться и упрямо возразил:

– Не говорите так, госпожа! Весь Пинъань знает, как красив наш господин! Я книжек не читал, не могу подобрать достойных слов. Но... Наш молодой господин прекрасен, как нефрит, и он настоящий мужчина ростом в семь чи!⁴

– Хватит.

Подавальщик аж вздрогнул от удивления, услышав голос молчавшего до сих пор господина. Служанка испугалась так, что у нее затряслись ноги и она рухнула на колени. Подавальщик замер, не смея лишней раз вздохнуть.

Яньлань растерялась. Тянь Бу, опустив ресницы, поднялась из-за столика для игры в вэйци, поклонилась ей и, не

⁴ Чи (кит. #) – мера длины, равная примерно 33,33 см. (Далее древнекитайские термины измерения длины и веса см. на стр. 491.)

сказав ни слова, ловко утянула дрожащую на коленях служанку прочь из комнаты.

В башню Цзяндун частенько закахивали знатные господа, и подавальщик видел, как они изволят гневаться, но такое с ним случилось впервые. Он даже не понимал, что произошло, лишь смутно различил за дверью тихий голос:

– У вашей госпожи слабое здоровье, она не может строго вас наставлять. Вы должны сами работать над собой. Как можно было при ней так дерзить?

Голос звучал нежно и мягко – подавальщика и его товарищей хозяин бранил куда жестче, – но служанка, похоже, испугалась этого мягкого голоса до дрожи, а потому все рыдала и умоляла о пощаде.

Подавальщик и не подозревал, что в знатных семьях правила настолько строги. Сегодняшнее событие его потрясло. И поскольку никто из знатных гостей не отпускал его, он не смел просто уйти и застыл на месте, чувствуя, как внутри все переворачивается от страха.

Через некоторое время госпожа у стола робко заговорила:

– Мы слишком шумели и побеспокоили вас, ваше высочество? – Затем тихо добавила: – Я думала, молодой господин Юй – ваш хороший знакомый и разговор о нем вас развлечет. Не знала, что он лишь сильнее вас расстроит.

Господин у окна не ответил, лишь поднялся.

– Я пройдусь.

Слуга осмелился оторвать взгляд от пола и увидел, как

госпожа, прикусив губу, схватила господина за рукав. Ее чуть покрасневшие глаза были прекрасны и вызывали неподдельное сочувствие, особенно когда она нежным голосом проговорила:

– Можно я пройду с вами?

Чэн Юй не думала, что Цзи Минфэн может ее обмануть, потому что ей и в голову не приходило, зачем это могло бы ему понадобиться. Если он сказал, что Лянь Сун вернулся прошлой ночью и сегодня утром водил девятнадцатую принцессу Яньлань в башню Цзяндун на чай, значит, так оно и было.

Однако предположение Цзи Минфэна, что Лянь Сун избегает ее, она после размышлений отвергла как нелепость и тут же развернула коня обратно в город.

По дороге Чэн Юй терпеливо объяснила княжичу Цзи:

– Думаю, сегодня утром слуга и впрямь ошибся. Третий братец Лянь провел целый месяц в пригородном гарнизоне, значит, он и правда очень занят. Возможно, у него свободна лишь половина этого дня, а после обеда ему вновь придется

уехать за город. Поэтому я должна поторопиться. – Она искренне позавидовала Яньлань: – Как ей повезло застать третьего братца Ляня! Мне не так везет, но я постараюсь успеть вернуться, чтобы хоть мельком его увидеть.

Княжича Ци, очевидно, потряс ход ее мыслей. На мгновение он потерял дар речи, его лицо потемнело. Молодая госпожа Ци полностью понимала княжича, сочувствовала ему и мысленно зажгла ему в храме свечку на удачу.

Поскольку все трое ехали на отличных скакунах, то въехали в город к первой четверти часа Лошади⁵.

Персик понес Чэн Юй напрямик к башне Цзяндун. Все ее внимание было сосредоточено на том, чтобы как можно скорее туда добраться, но почему-то, поворачивая с улицы Цзыян на Чжэндун, она отвлеклась и бросила взгляд на темный переулок слева. На миг ей показалось, что она увидела мелькнувшую фигуру в белом.

Увы, Персик мчался так быстро, что, когда княжна опомнилась и натянула поводья, они уже проехали мимо трех-четырёх лавок.

Чэн Юй не знала, какое чувство вело ее в тот момент. Она спрыгнула с еще не остановившегося коня, споткнулась и упала, но ей было все равно. Княжна вскочила и побежала обратно к переулку.

Но, подбежав, застыла как вкопанная.

⁵ Час Лошади – время между 11:00 и 13:00. (Далее термины древнекитайской системы измерения времени см. на стр. 490.)

Узкий переулочек был зажат между двумя старинными зданиями, и даже в этот ясный осенний день солнечные лучи освещали лишь верхнюю половину стен.

Мощенная камнем дорожка тонула в тенях, куда не мог добраться солнечный свет, и уходила вдаль, отчего весь переулочек казался особенно глухим и мрачным. В нескольких шагах от начала переулочка, в этом полумраке, стоял тот самый молодой мужчина в белом, которого мельком увидела Чэн Юй.

Она не ошиблась. Это действительно был третий братец Лянь.

Но он стоял в переулочке не один, а с девушкой. Генерал держал ее на руках: одна его ладонь поддерживала ее под коленями, другая – обнимала за спину. Девушка же доверчиво обвивала его шею руками, прижавшись лицом к груди. Из-за этого Чэн Юй не могла разглядеть ее лица, но по ткани платья догадалась – скорее всего, это девятнадцатая принцесса Яньлань.

Это и впрямь была Яньлань. Но девятнадцатая принцесса не заметила Чэн Юй. Выйдя из башни Цзяндун, она сопровождала третьего принца на его бесцельной прогулке. Поскольку его высочество пребывал в дурном расположении духа, сама Яньлань тоже никак не могла собраться с мыслями, однако стук копыт все же услышала. Прежде чем она успела что-либо понять, третий принц подхватил ее с коляски и скрылся в переулочке рядом с лавкой украшений.

В тот миг она лишь догадалась, что его высочество от кого-то прячется. Но как только он ее обнял, у принцессы пропало даже малейшее желание узнавать ответ на вопрос, от кого именно.

Чэн Юй стояла у начала переулка и долго смотрела на Яньлань, невольно нахмурившись.

Вся радость от неожиданной встречи с третьим братцем Лянем мгновенно обратилась в глыбу льда, которая без предупреждения обрушилась на ее сердце холодной мертвенной тяжестью.

Она прекрасно знала, что Лянь Сун приходится Яньлань двоюродным братом, потому не удивилась, что тот позвал ее на утренний чай. Но Чэн Юй никогда не предполагала, что они настолько близки, ведь в ее собственных отношениях с двоюродными братьями подобной близости никогда не возникало.

«Оказывается, у Лянь Суна есть еще одна сестра, о которой он заботится и которую любит», – подумала она. В этот момент он держит Яньлань на руках так же, как бесчисленное множество раз обнимал ее. Неужели он тоже вытирает слезы Яньлань, когда она плачет? Неужели он тоже держит ее за руку, когда ей больно?

Чэн Юй внезапно охватила злость, но она, привычная каждое движение своей души подвергать осмыслению, тут же осознала – ее гнев ничем не обоснован.

Лянь Сун смотрел прямо на нее. Хотя их разделяли

несколько шагов, а за ее спиной кипела оживленная улица, когда их взгляды встретились, Чэн Юй показалось, что все звуки стихли.

Его взгляд на нее, взгляд его глаз феникса с чуть приподнятым внешним уголком, был ощутим. Однако Чэн Юй не обнаружила в нем даже проблеска радости. Будто он не надеялся увидеть ее здесь или вовсе не желал новой встречи. Ее ужасно напугало равнодушие этого взгляда.

Неужели за месяц разлуки они стали чужими? Она тут же нашла для него оправдание и сделала два шага вперед, надеясь, что, сократив расстояние, сможет избавиться от этого неприятного чувства возникшей меж ними преграды.

Но когда княжна сделала три шага, Лянь Сун отвел взгляд.

Чэн Юй остановилась. Ледяная глыба у нее на сердце потяжелела. Она не понимала, почему он так себя ведет, и, немного поколебавшись, хотела позвать его – но братец Лянь, словно предугадав ее намерение, нахмурился. Прежде чем она успела раскрыть рот, он развернулся, будто намереваясь уйти.

Чэн Юй застыла и в оцепенении услышала едва уловимый звон колокольчика.

Рассеянно подняв глаза, она увидела старый ржавый колокольчик, висевший на углу крыши старинного здания слева. Мимо пронесся порыв ветра, и колокольчик весело зазвенел, но из-за старости звук получился глухим и печальным.

И в этот момент третий братец Лянь ушел, неся на руках Яньлань. В мгновение ока его фигура исчезла в глубине переулка.

Проход опустел. В воздухе таял тихий звон колокольчика. Княжна стояла, слегка побледнев. Казалось, глухой звон старого колокольчика ударил ей прямо в сердце, разбив ледяную глыбу. Мелкие осколки с кровью разошлись по всему телу, причиняя невыносимую боль.

Чэн Юй в одиночестве справилась с этой болью и после обеда все же отправилась в имение великого генерала. Успокоившись, она тщательно поразмыслила и не нашла причин сердиться на третьего брата Ляня.

Да, он не обратил на нее внимания, и Чэн Юй было очень неприятно. Но, возможно, у третьего брата с Яньлань были важные дела – например, что-то терзало душу принцессы и ей требовалось утешение. В таком случае вмешательство Чэн Юй было бы верхом невежливости.

Чем больше она думала, тем более уверялась в своей правоте. В конце концов, Яньлань с детства жила в императорском дворце, а у тех, кто постоянно обитает за дворцовыми стенами, часто возникают душевные проблемы. Взять хотя бы великую вдовствующую императрицу, вдовствующую императрицу или даже самого императора – у них всех имелись свои странности.

Но беда была в том, что, когда Чэн Юй все это осознала, ей не полегчало. Она смутно догадывалась о причинах, но

тут же отогнала мысли о них прочь. Не могла же она быть настолько нелепой.

Тянь Бу, как всегда, вышла из имения генерала навстречу Чэн Юй и сообщила, что третий господин Лянь действительно вернулся прошлой ночью, но сейчас у него в гостях девятнадцатая принцесса. Поскольку у них была договоренность, сегодня он не может принять княжну. Также Тянь Бу передала его слова: если у Чэн Юй к нему срочное дело, она может зайти завтра, вот только в ближайшие дни генерал будет занят, и, если ничего важного нет, княжне необязательно приходиться к его дому каждый день.

Сердце Чэн Юй дрогнуло. Она замерла на мгновение, затем спросила:

– Третий братец Лянь считает меня слишком навязчивой, да?

Тянь Бу слегка удивилась, но ответила почтительно:

– Мысли господина... я толковать не смею.

Княжна прокашлялась.

– А... Тогда передай ему, что я пришла не... – Чэн Юй сглотнула и, переборов себя, выдавила: – ...не потому, что непременно хотела его видеть. Просто случайно заметила его на улице и решила зайти поздороваться. – Она старалась казаться непринужденной, но в голосе предательски прозвучала тоска. – Но раз у него гостя... Ладно, не стоит...

Тянь Бу смотрела на нее с беспокойством.

Чэн Юй потерла нос указательным пальцем, пряча нахлы-

нувшую обиду, и сказала как ни в чем не бывало:

– Раз он занят, я в ближайшие дни не стану его беспокоить.

Но тут Тянь Бу вдруг спросила:

– Княжна, что с вашей рукой?

Чэн Юй вздрогнула, взглянула на левую руку и увидела испачканный красным рукав. Отодвинув ткань, она ахнула от боли – на предплечье откуда-то появилась большая ссадина. Видимо, когда она дернула рукав – сорвала корку и рана снова закровила.

Тянь Бу тут же протянула ладонь, чтобы осмотреть ссадину, но Чэн Юй поспешно отпрянула, неуклюже прикрыв рану рукавом.

– Наверное, не смотрела под ноги, вот и упала по дороге, пустяки, – поспешно сказала она, затем притворно бодро добавила: – Сестрица Тянь Бу, возвращайся к третьему братцу Ляню с докладом, а я пойду.

И немедля развернулась.

Во внутреннем дворе имения великого генерала у озера росло огромное дерево с красными листьями, под которым стоял каменный стол. Третий принц сидел за ним, вырезая узоры на нефритовой заготовке. Неподалеку, в беседке на воде, Яньлань играла на цине. Тянь Бу плохо разбиралась в музыке смертных, потому не узнала мелодию, но поняла, что девятнадцатая принцесса играет что-то грустное, отчего тоска будто сгущалась в воздухе.

Когда Тянь Бу приблизилась к его высочеству, ее вдруг одолели сомнения. Она не ведала, хочет ли он сейчас услышать о Чэн Юй. Поразмыслив, помощница пришла к выводу, что все равно не догадается, о чем думает господин, и потому молча заменила его остывший чай горячим.

Третий принц так и не притронулся к чашке – он был полностью поглощен резьбой по нефриту. Белый камень с красноватым отливом в верхней части постепенно превращался в пару журавлей с переплетенными шеями. Алые вкрапления естественным образом стали алыми точками у журавлей на макушке. Хотя работа была завершена лишь наполовину, журавли выходили будто живые.

Тянь Бу терпеливо ждала, и, лишь когда Яньлань доиграла третью мелодию на цине, его высочество наконец спросил:

– Как она?

– Княжна – человек разумный, – тихо ответила помощница. – Выслушав мои слова, она не стала усложнять мне жизнь и послушно удалилась.

– Хорошо, – равнодушно отозвался третий принц, не отрываясь от вырезания перьев на крыльях журавля справа. Казалось, он задал вопрос из вежливости и ответ не имел для него никакого значения.

– Однако княжна выглядела отнюдь не хорошо, – осторожно добавила Тянь Бу.

И тут же заметила, как рука господина дрогнула. Впрочем, заминка продлилась всего мгновение – почти сразу же

резец вновь заскользил по нефритовой поверхности. Под его выверенными движениями проступило еще одно безупречное белое перо.

– Она решила, что вам не нравится ее навязчивость, – осторожно продолжила Тянь Бу. – Поэтому просила передать, что вовсе не намеренно докучает вам, а лишь зашла поздороваться, потому что случайно встретила вас на улице.

Яньлань закончила играть. Под деревом с красными листьями воцарилась тишина, нарушаемая лишь легким скольжением резца по нефриту.

– Но я не думаю, что это правда, – опустил глаза, добавила Тянь Бу. – Она прибежала запыхавшаяся и вспотевшая, будто бежала очень быстро, на пределе возможностей. Вероятно, она споткнулась и упала, когда пыталась догнать вас по дороге в имение. У нее был весь рукав в крови, но сама она этого не заметила и, лишь когда я обратила на него внимание, будто впервые почувствовала боль. Но выдала она ее лишь движением бровей.

Тянь Бу сделала паузу.

– Однако, когда я сказала, что вы не можете ее принять, ваше высочество... в ее глазах стояли слезы.

Нефрит с глухим стуком упал на каменный пол и разлетелся на четыре части. Тянь Бу резко подняла взгляд и увидела, что острый резец вонзился в ладонь господина. Похоже, он вошел довольно глубоко: когда третий принц выдержнул инструмент и отбросил его в сторону, из раны тут же

хлынула кровь, заливая осколки нефрита алым.

Тянь Бу тихо вскрикнула, поспешно достала из-за пазухи платок и протянула его высочеству, но тот даже не взглянул на него. Лянь Сун просто сидел, безучастно глядя на ладонь. Только спустя долгое время он оторвал полоску ткани от рукава, кое-как перевязал рану и, подняв на Тянь Бу глаза, равнодушно приказал:

– Принеси другой камень.

Будто ничего не произошло.

Чэн Юй всю дорогу пинала камешки. С самого утра она ничего не ела, но голода не чувствовала. Возле лавки с прохладительными напитками ее вдруг одолела жажда, и она купила чашку холодного чая. Сегодня дела в лавке шли бойко – все столики были заняты, поэтому Чэн Юй, не привередничая, присела снаружи у порога.

Там она, вздыхая, и принялась за чай.

Княжну переполняло разочарование в себе. Когда Тянь Бу сказала, что третий братец Лянь не может принять ее из-за девятнадцатой принцессы, она наконец осознала: да, она

все же оказалась очень нелепой.

Она завидовала Яньлань.

Ее нынешняя тоска и печаль во многом происходили от внезапного понимания: похоже, третий братец Лянь относится к Яньлань лучше, чем к ней.

Но у этой зависти не было никаких оснований. В конце концов, Яньлань была его родной двоюродной сестрой. Они знали друг друга с детства, и вполне естественно, что их связывают теплые чувства. Более того, разве удивительно, что он относится к родной сестре лучше, чем к ней? Чэн Юй зовет его «братцем», но на самом деле он ей не брат. Если однажды он передумает считать ее сестрой, между ними не останется ничего.

Она никогда не смогла бы сравниться с Яньлань.

От этой мысли Чэн Юй вдруг пробрало холодом до самого сердца, и, допив холодный чай, она заказала горячий, чтобы хоть немного согреться.

Закончив с чаем, она пошла домой, пиная камушки. Уже у самых ворот пагоды Десяти цветов княжна вдруг вспомнила про ссадину на руке и, развернувшись, отправилась к лечебнице Ли Мучжоу.

Поскольку, играя с мячом, она часто получала царапины и ссадины, Сяо-Ли не задавал лишних вопросов. Однако этот человек повидал на своем веку всякое – и потому даже оторванные руки-ноги за раны не считал. Так что, перевязав Чэн Юй и заметив, что та сидит без дела, он попросил ее пере-

писать двести лекарских предписаний.

Чэн Юй подумала, что у Сяо-Ли напрочь отсутствует человечность, но ей и самой было совестно перед ним. Поэтому, думая о своем, она все же взялась за кисть. Из двухсот предписаний она ни одно не переписала правильно. Когда на закате Ли Мучжоу пришел проверить, как там княжна ему «помогла», он чуть не убил ее на месте, но, взглянув на ее лицо, сдержался. Остыв, он присел рядом и спросил, не случилось ли чего.

Она кивнула и пробормотала:

– Вроде того.

Сяо-Ли был ее другом, она всегда могла рассказать ему обо всем, но то, что княжна ревновала третьего брата Ляня к его родной двоюродной сестре, даже ей самой казалось верхом неприличия. Ли Мучжоу наверняка и вовсе решил бы, что она сошла с ума. Поэтому Чэн Юй не стала посвящать его во все подробности.

Лекарь Ли вздохнул:

– Ну вот и наша А-Юй доросла до секретов, которыми не может со мной поделиться.

Княжна нахмурилась и смерила его взглядом.

– Ты всего на два года старше.

Сяо-Ли с важным видом поправил:

– Зато вина в обществе цветочных девиц выпил в разы больше.

– Это еще как посмотреть, – фыркнула она.

Ли Мучжоу задумался:

– Твои походы в весенние дома ради хого⁶ с цветочными духами или их походы к тебе в пагоду Десяти цветов с теми же целями за распитие вина не считаются.

С этими словами он повел Чэн Юй в винный погреб зала Человеколюбия и покоя и, как хороший друг, великодушно вручил ей два кувшина отменного вина, с видом знатока пояснив:

– Взрослея, люди обрастают заботами, но нет такой печали, которую не смогли бы залить два кувшина крепкого вина. А если и два кувшина не берут...

Сяо-Ли достал еще два кувшина:

– Тогда выпей четыре.

Вспомнив, сколько Чэн Юй обычно выпивает, он решил, что и четырех кувшинов может не хватить, поэтому добавил еще два – получилось шесть.

– Подарок должен приносить удачу, – довольно заключил он, – и шестерка как раз к удаче!⁷

Затем лекарь Ли сообщил, что Чжу Цзинь уехал в удел княжны собирать плату за жилье и вернется только завтра, так что сегодня ночью она может развернуться на полную.

⁶ Хого (*кит. ##*) – это китайский способ приготовления и приема пищи, при котором участники самостоятельно варят тонко нарезанные ингредиенты в общем котле с кипящим бульоном, установленном в центре стола.

⁷ Шестерка в китайской культуре символизирует плавное течение дел и удачу. В китайском шесть # (liù) звучит почти так же, как # (liú), означающий «плавный», «гладкий», «идет легко».

И Чэн Юй действительно развернулась – от души напислась.

У княжны была одна особенность: стоило ей изрядно хватить лишнего, как ее неизменно тянуло куда-нибудь залезть.

В прошлый раз, на третьем кувшине «Пьянящего ветерка» из башни Цзяндун, она вскарабкалась на вершину самого высокого на сто чжанов вокруг древнего дерева. На сей раз, после третьего кувшина крепкого вина от Сяо-Ли, она забралась на гребень крыши пагоды Десяти цветов – самого высокого здания на сто чжанов вокруг.

Чэн Юй сидела на крыше, свесив ноги. Голова шла кругом, огорчения дня почти забылись. Ей казалось, что с такой высоты можно было разглядеть весь Пинъань, и это знание наполняло ее радостью. Да и подаренное вино оказалось на редкость вкусным. Ли Мучжоу и впрямь настоящий друг.

Сидя на крыше, она допила все вино из кувшина и на миг позабыла о трех кувшинах, ждавших ее внизу. Чэн Юй заметила на улице ребятишек с фонариками, играющих в догонялки с тенями. Это показалось ей забавным – бросив кувшин, она тоже принялась скакать по крыше, пытаясь поймать собственную тень. Княжна с детства играла в цуцзюй, поэтому обладала превосходным чувством равновесия. Каждый ее шаг казался шатким, будто она вот-вот сорвется вниз, но всякий раз ей удавалось удержаться.

Развлекаясь таким образом, она вдруг заметила, как за стволом древней высоченной софоры у поля для цуцзюя

мелькнул белый рукав. Деревья сейчас не цвели, а значит, это были не лепестки.

Взгляд Чэн Юй приковало к тому месту. Вдруг туча закрыла луну, и белый силуэт растворился во тьме. Когда свет вновь хлынул с небес, за стволом дерева уже никого не было.

Будь княжна трезва, возможно, решила бы, что ей помешалось. Но сегодня она была пьяна, а пьяная Чэн Юй несколько не сомневалась в остроте своего зрения. Постояв на краю крыши, она развернулась, выставила правую ногу в пустоту, где заканчивалась круглая черепица, и, отбивая ритм ладонью о ладонь, чтобы подбодрить себя, начала считать:

– Раз... два!

На счет «два» она зажмурилась и наступила правой ногой в пустоту.

В воображении Чэн Юй она должна была раненой белой птицей рухнуть в объятия ночного ветра. Однако тот, кого княжна видела внизу, оказался стремительнее, чем она предполагала. Шагнув в пустоту, Чэн Юй, конечно, потеряла равновесие, но ее левая нога даже не успела оторваться от крыши, как княжну уже поймали.

В нос ударил едва уловимый аромат белого агара. Он походил на луну этой ночи – в нем соединились одиночество, тишина и легкая прохлада.

«Так это и правда был третий братец Лянь». Чэн Юй улыбнулась.

Не успела она открыть глаза, как он уже поставил ее на

ноги и тут же отпустил.

– Что ты творишь? – Его голос, подобно лунному свету, отдавал холодом осенней ночи. И в этом голосе явственно слышалось обвинение.

Но ее пьяный мозг не уловил звучавшего в том голосе гнева, Чэн Юй была просто счастлива видеть третьего братца Ляня и спешила поделиться с ним этой радостью.

– Я подумала, что это ты там прячешься, третий братец Лянь! – весело объявила она. – А если это ты, то обязательно поймаешь меня. Вот я и прыгнула!

Княжна невинно посмотрела на Лянь Суна. Сперва ее взгляд скользнул по его нахмуренным бровям, затем к глазам – и только тогда она разглядела строгое выражение его лица. Третий братец Лянь тоже смотрел на нее, но в его янтарных глазах отсутствовал даже намек на тепло. Перед Чэн Юй стоял Лянь Сун, от которого веяло холодом. Лянь Сун, который вовсе не хотел ее видеть.

События дня разом всплыли в ее памяти, а с ними нахлынули обида и смятение. Чэн Юй на мгновение застыла, затем вдруг спросила с дрожью в голосе:

– Почему третий братец Лянь всегда сердится, едва увидит меня?

Он не ответил на ее вопрос, а только нахмурился и заметил:

– Ты пьяна.

– Нет! – тут же возразила она, но, вспомнив о выпитом,

показала три пальца. – Ну... выпила четыре кувшина. – Затем снова упрямо подчеркнула: – Но я не пьяна!

Ноги ее вдруг подкосились.

Лянь Сун подхватил ее и помог устоять. Чэн Юй пристально изучала его лицо.

– Третий братец Лянь... не хочет меня видеть?

Вновь избегая ответа, он спросил:

– А если бы это был не я?

Хотя Чэн Юй и не хотела этого признавать, она и правда была пьяна. Но даже в таком состоянии сообразила, что он имеет в виду. В пагоде Десяти цветов было десять этажей. Ткнув пальцем в выступающую смотровую площадку на седьмом уровне, Чэн Юй бодро заявила:

– Тогда упала бы туда. Тут невысоко, я бы не разбилась насмерть.

– Неужели?

Сознание прояснилось, и Чэн Юй уловила ледяные нотки в его голосе. В недоумении она подняла глаза и натолкнулась на обжигающе холодный взгляд.

– Лишь бы не насмерть, а сломать руку-ногу – не страшно? – отстраненно проговорил Лянь Сун. – Я думал, ты повзрослела и поумнела.

Чэн Юй помолчала, после чего тихо сказала:

– Ты сердишься. – Затем вдруг вскинула голову и очень пристально посмотрела на него: – Почему, едва увидев меня, ты сразу злишься?! – Видимо, она вспомнила тот самый бо-

лезненный вопрос, который ненадолго вылетел у нее из головы, когда братец Лянь вместо ответа резко перевел тему. В голосе Чэн Юй смешались гнев и горечь: – На Яньлань ты не злишься!

– Потому что она меня не злит, – равнодушно ответил он.

Чэн Юй дернулась, как от удара. Губы ее задрожали.

– Яньлань... лучше меня?

Лянь Сун спокойно посмотрел на княжну:

– Зачем тебе сравнивать себя с ней?

Чэн Юй покачала головой и не ответила. Возможно, она сама не понимала, зачем вот так качает головой – просто на нее вдруг обрушилась усталость. Княжна опустила на крышу и закрыла глаза ладонями.

– Значит, ты думаешь, что она лучше меня...

Чэн Юй не плакала, но голос ее звучал очень тихо и устало. После она печально вздохнула.

– Уходи.

Ей казалось, братец Лянь немедленно покинет ее – ведь он и правда не хотел ее видеть. Она задалась вопросом: почему? И сама же дала ответ: потому что она вечно его злит. Теперь и его поведение днем получило объяснение: она просто ему надоела.

Сегодня ночью мысли Чэн Юй путались, и она не могла вспомнить, чем именно его расстроила. Но братец Лянь всегда был умнее, а значит, она и правда сделала что-то не так. Как это исправить, Чэн Юй не знала, просто на сердце давил

тяжелый груз. Она мысленно отругала себя за то, что вспомнила все эти неприятные вещи. Почти ведь забыла и, забыв, была очень счастлива...

Чэн Юй ждала, что он уйдет. Но так и не услышала звук шагов.

Огромная луна освещала весь Пинъань. Стояла поздняя ночь, город затих, и лишь вдали мерцали редкие огни рынка, будто звезды, упавшие с небес. Ветер тоже поутих, но был все так же холоден. Налетевший порыв заставил Чэн Юй чихнуть.

Ей что-то протянули, и, подняв глаза, она увидела белую накидку.

– Надень, – сказал тот, кто должен был уже уйти.

Чэн Юй посмотрела на вещь в руках брата Ляня, затем на него и отвернулась, упрямо уставившись на свою тень.

Лянь Сун несколько помедлил, затем сел рядом с ней и накинул одеяние ей на плечи. Чэн Юй удивленно повернулась – как раз вовремя для того, чтобы он смог продеть ее правую руку в рукав. Она застыла, позволив ему одевать себя, словно маленького ребенка.

Ошеломленная, княжна не знала, что делать. В конце концов она решила проявить характер и попыталась стряхнуть одежды, в которые ее тщательно завернули, но тщетно.

– Не упрямься, – нахмурился братец Лянь, не позволяя выпутаться.

Сегодня Чэн Юй уже наслушалась его упреков, поэтому

буркнула с неожиданной смелостью:

– Хочу и буду! Не надо мне указывать! – И стала вырываться еще сильнее.

Вдруг Лянь Сун произнес:

– Я виноват.

Она заморгала, а он тем временем осторожно поправил наполовину сброшенную ею одежду.

– Я виноват, – повторил он, глядя на нее.

Глаза Чэн Юй вдруг покраснели. Она сильно прикусила губу, а затем почти выкрикнула:

– Конечно ты виноват!

Но снимать накидку больше не пыталась. Она опустила голову и принялась закатывать рукава, попутно перечисляя его «злодеяния»:

– Ты избегаешь меня, не хочешь меня видеть, злишься на меня, еще и говоришь, что Яньлань лучше! – От быстрой и гневной речи она даже подавилась.

Лянь Сун тут же похлопал ее по спине, в его голосе слышалась беспомощность:

– Я такого не говорил.

Чэн Юй попыталась вспомнить, так ли это, но в голове все смешалось, и она не могла вспомнить даже то, что он только что говорил, поэтому лишь кивнула:

– А, ну, значит, не ты.

Но мысль о том, что Яньлань может оказаться лучше, все равно терзала ее. С покрасневшими глазами она спросила

Лянь Суна:

– Яньлань красивее меня? – Не дожидаясь ответа, Чэн Юй сама решительно покачала головой. – Не думаю, что она красивее!

– Яньлань умнее меня? – И, снова не дожидаясь ответа, решительно заявила: – Вряд ли она умнее!

– Яньлань внимательнее меня? – Тут она все же дала братцу Ляню шанс ответить.

Однако он лишь смотрел на нее. От его безупречного лица больше не веяло холодом, но что значило его выражение, Чэн Юй прочесть не могла. Она никогда не могла понять Лянь Суна, поэтому просто подумала: «Видимо, он просто не хочет отвечать».

Немного поразмыслив, после паузы она неуверенно добавила:

– Ну... может, мы одинаково внимательны...

Чэн Юй хотела спросить еще что-то, но тут же раздраженно покачала головой:

– Ладно, неважно.

Когда она умолкла, Лянь Сун взял ее руки в свои:

– Тебе не нужно сравнивать себя с ней.

Но, похоже, эти слова ее не утешили. Опустив голову, Чэн Юй долго смотрела на их соединенные ладони, затем прошептала:

– Но Яньлань умеет играть на цине, умеет петь и рисует очень хорошо... Я не умею ничего из того, что умеет она. –

Княжна шумно вдохнула и, набравшись смелости, призналась: – Я... я ужасный человек. Мне не нравится Яньлань именно потому, что она – хорошая младшая сестра.

– Пусть даже она хорошая сестра, что с того? – спросил Лянь Сун.

Чэн Юй внезапно бросилась к нему в объятия, крепко обхватила за плечи, прижалась лицом к груди и, задыхаясь, озвучила свой самый затаенный страх:

– Я боюсь... боюсь перестать быть для тебя единственной. Боюсь, что рано или поздно ты меня покинешь.

Лянь Сун задержал дыхание. Он не помнил, чтобы кто-то в этом мире мог всего одной фразой лишить его самообладания и спутать мысли. Через некоторое время он закрыл глаза. Но не обнял Чэн Юй в ответ.

Да, он рано или поздно покинет ее. Поэтому ей лучше привыкнуть пораньше.

Сегодня он уже перешел черту. Если так пойдет и дальше, ничем хорошим для нее это не кончится.

Ему вообще не следовало приходиться сюда этой ночью. Или, если уж пришел, не показываться ей на глаза. Или, если показался, не давать ложной надежды на близость. Или, если не смог удержаться вдали от нее, уж точно не отвечать на это объятие. Все должно было закончиться здесь и сейчас.

Лянь Сун взял ее за руки, чтобы отстранить, но в этот момент Чэн Юй подняла голову. Так близко.

Он снова затаил дыхание.

Казалось, она вот-вот заплачет: кончики бровей, внешние уголки глаз и кончик носа заалели, как цветы вишни. Нежный, свежий румянец – воплощенная красота печали, искусно разлитая по коже белой, точно снег. От ее покрасневшего лица невозможно было отвести взгляд. В Нефритовом пруду рос особый вид лотоса «Танцующая принцесса»: лепестки его были ослепительно белыми, и только кончики красными. Сейчас Чэн Юй была очень похожа на тот цветок. Ее темные глаза, полные слез, таили в себе одиночество и безутешную печаль. Лянь Сун словно заглянул в глубины Сияющего моря.

Все ее лицо дышало чувством – мольбой и печалью, – но при этом ни одна черточка не дрогнула. Выгравированная на костях привычка всегда и при любых условиях сохранять достоинство.

Чэн Юй просто смотрела на него так, как не смотрела почти никогда. Возможно, она и сама не осознавала, как выглядит в этот момент. Но эта ее печальная красота и такая же печальная нежность почти сломили его сопротивление.

И все же Лянь Сун оттолкнул ее, прежде чем сдаться.

Но он забыл о том, как упряма Чэн Юй. Он не успел опомниться, как она снова обняла его. Черепица под ними глухо звякнула, и в следующее мгновение Лянь Сун оказался прижат к крыше. В спешке ее губы скользнули по его щеке – холодные, но опалившие, словно пламя.

Лянь Сун резко повернулся к ней, но Чэн Юй не заметила

этого. Одной рукой она опиралась на его грудь, другую положила на плечо. Она все еще не плакала, ее лицо оставалось бесстрастным, но губы она закусила так, что они побелели. Чэн Юй упрямо смотрела ему в глаза:

– Третий братец Лянь, тебе нельзя уходить! Мы еще не...

Лянь Сун внезапно схватил ее за ворот и резко притянул к себе, а после поцеловал в губы. Он почувствовал, как ее тело мгновенно окаменело, но на этот раз не стал отпускать.

Левой рукой он обхватил ее талию, прижав к себе так близко, что не осталось места для сопротивления. Но она и не сопротивлялась. «Наверное, ступор», – подумал Лянь Сун, но объяснить она не могла – он сам запечатал ей рот.

Поцелуй получился жадным, даже жестким, поэтому яркие, но холодные губы Чэн Юй быстро согрелись под его натиском и смягчились. В ее дыхании чувствовался аромат вина, но больше – запах цветов. Чем глубже становился поцелуй, тем сильнее ощущался этот аромат. Когда она попыталась перевести дух, он лишь сильнее прикусил ее губу, сплетая их языки.

Под его напором ее одеревеневшее тело постепенно ослабло. Печальный вишневым румянец на щеках сменился страстным, все ее лицо покраснело, будто цветок гибискуса, только что поднятый из воды. Ладонью он ощущал, как ее тело постепенно нагревается. Пожалуй, только в ее глазах остался проблеск сознания. В их глубине, затянутой дымкой непролитых слез, отражались лишь растерянность и

испуг.

Она была пьяна. А он воспользовался ее беспомощностью.

Лянь Сун резко остановился.

Лунный свет мягко лился на них, на серебристую крышу, на ближайшие деревья, улицы, отдаленные рынки... Фонари вдали погасли. Весь город погрузился в сон.

Чэн Юй не понимала, спит ли она сама. Едва ли сознавая, что делает, она поднялась с Лянь Суна, коснулась пальцами распухших губ, затем – сердца. В глазах ее читалось потрясение.

– Почему... Я не понимаю... – прошептала она.

Княжна совершенно не осознавала, что происходит. И винить ее за это было нельзя. Сегодня она много выпила. Даже на трезвую голову ей вряд ли удалось бы разобраться в ситуации, что уж говорить про сейчас.

Чэн Юй посмотрела на мужчину перед собой. Он все еще лежал на черепице. Ее третий братец Лянь, всегда такой непоколебимый и надежный, сейчас смотрел на серебряную луну, и в чертах его лица появилась необычная уязвимость.

– Я тоже не понимаю, – наконец произнес он. – Но, – голос его зазвучал тише, – тебе и не нужно понимать.

– Почему?

– Потому что... – Лянь Сун закрыл глаза, – ...это всего лишь сон. К утру ты забудешь обо всем, что произошло.

Глава 2

Чэн Юй, казалось, полдня просидела на кровати, держась за раскалывающуюся с похмелья голову, но так и не вспомнила, что же произошло прошлой ночью.

Очевидно, она напилась, но как именно – оставалось загадкой. Впрочем, с ней такое часто случалось: выпьет – и наутро ничего вспомнить не может. Что ж, ничего нового.

Позавтракав, Чэн Юй по привычке собралась в имение генерала, но, выйдя за ворота, вспомнила вчерашние слова Тянь Бу и вернулась. От нечего делать княжна побродила по саду, насобирала плоских камешков, устроилась у небольшого озерца и, пуская «блинчики» по воде, принялась размышлять о делах своих насущных.

Не успела она сделать и десятка бросков, как прибежала Ли Сян и сообщила, что император неожиданно вызывает княжну во дворец и ловкий ученик евнуха Шэня, молодой

Юцзы, уже ждет в приемном зале.

Император Чэн Юнь из династии Великой Си не питал ни к братьям, ни к сестрам особых родственных чувств, что, конечно, не могло не проявляться в его отношении к многочисленной родне. «Лучше вспоминать, чем видеть» – вот к какой фразе он сводил все взаимодействия с сотней сестер. Поскольку для Чэн Юй не нужно было готовить приданое, к ней государь не испытывал столь сильной неприязни, как к остальным, и даже мог время от времени вызывать к себе.

Во второй четверти часа Змеи Чэн Юй вошла во дворец, а к первой четверти часа Козы вернулась в пагоду Десяти цветов с печальным лицом.

Чэн Юнь пожаловал ей набор кистей и цинь. Кисти были выполнены из белого нефрита и волчьей шерсти. Если уезд Цаоси славился своими тушечницами, то Сици – кистями. По слухам, изготовлению этого набора старый мастер из Сици посвятил всю свою жизнь. Цинь же именовался «Сосна на скале».

Сосна на скале, ручей меж камней,
В безмолвии гор – гром водопада.

В этих строках воспевали четыре великих циня Поднебесной, и «Сосна на скале», как следует из стихотворения, занимала среди них первое место.

Когда Чэн Юнь пожаловал ей эти бесценные дары, душой

княжны овладело предчувствие чего-то недоброго. И не зря: вместе с дарами император назначил ей учителей живописи и музыки, а также чиновницу, в обязанности которой вменялось «закрепить» с Чэн Юй знания всего придворного церемониала.

По словам императора, раньше из-за высокой занятости он пренебрегал воспитанием сестры и потому позволял ей творить все, что она хотела. Но теперь, когда Чэн Юй выросла и пришла пора подыскивать ей мужа, появилась и необходимость обучить ее хотя бы основам четырех благородных искусств⁸, чтобы после замужества она не опозорила императорский род. Даруя Чэн Юй превосходные кисти и цинь, государь надеялся, что эти вещицы, пронизанные духом искусства, вдохновят княжну на усердные занятия под чутким руководством наставников.

Услышав, что учителя и наставница будут ежедневно приходить в пагоду Десяти цветов для осуществления «чуткого руководства», Чэн Юй тут же пала духом. Она никак не могла понять, почему такой занятой император, у которого даже не было времени найти новую жену после смерти предыдущей, вдруг озаботился ее «добродетелями, речью, обликом и мастерством». «Раз у него освободилась куча времени, почему бы для начала не подыскать супругу себе?!»

От всего этого у Чэн Юй сильно болела голова. Более того,

⁸ Четыре благородных искусства (*кит. #####*) – цинь, вэйци, каллиграфия и живопись.

она считала доводы императора нелепыми. Если уж ей суждено выйти замуж, то, согласно предсказанию старого даоса, скорее всего, это будет брак в целях укрепления союза с иноземными племенами. В приграничье люди, что называется, пьют вино большими глотками, а мясо едят большими кусками. Другими словами, местные пили там вино не из изящных чашечек, а из огромных мисок, а такие понятия, как «утонченность» и «изысканность», были для них пустым звуком. Какой толк ей обучаться четырем благородным искусствам? Уж лучше бы научилась играть на моринхуре⁹ – хоть смогла бы что-то сбрыцать у костра, когда все пустятся в пляс.

Княжна тут же поделилась этим озарением с императором. Чэн Юнь несколько мгновений молча смотрел на нее, а затем потер виски:

– Хорошо. Помимо циня и живописи, добавим моринхур.

Впервые в жизни Чэн Юй почувствовала, что ее ум сыграл с ней злую шутку.

Когда императорский указ достиг пагоды Десяти цветов, больше всех страдала Чэн Юй, больше всех радовался Чжу Цзинь, а Яо Хуан оказался где-то посередине. Чжу Цзинь ликовал, потому что у придавленной гранитом четырех благородных искусств Чэн Юй точно не останется времени на то, чтобы разносить столицу, и это значительно облегчит его жизнь. Яо Хуан, как близкий друг Чжу Цзиня, разделял его радость, но в то же время с грустью осознавал, что если Чэн

⁹ Моринхур (*кит. ###*) – монгольский струнно-смычковый инструмент.

Юй не будет выбираться на прогулки, то и ему не видать встреч с Хуа Фэйю в доме Драгоценных камней. Себя повелителю всех цветов тоже было очень жалко.

Последующие несколько дней Чэн Юй провела в изнурительной битве умов с тремя учителями и придворной наставницей.

Наставница сдалась на второй день. На самом деле Чэн Юй отлично знала весь придворный церемониал – когда хотела, она могла служить образцом благонравия, а когда не хотела... становилась настоящим бедствием. Тщательно поразмыслив, наставница решила, что проблема состоит не в церемониале, а в чем-то душевном здоровье. А это уже была задачка для дворцовых лекарей. Увы, тут уважаемая госпожа ничего поделать не могла.

Учитель циня продержался на день дольше. Он был человеком, преданным своему делу. И очень чувствительным. Поначалу он искренне пытался наставить княжну. Но на его стороне было лишь желание научить, а под пальцами Чэн Юй, казалось, завывали демоны Преисподней – цинь издавал такие душераздирающие звуки, что кровь сначала стыла в жилах, а после выливалась из ушей. Однако это еще ничего: наставник скрепя сердце, возможно, и потерпел бы. Но когда на его богине, «Сосне на скале», лучшем из четырех великих циней, на котором с момента его создания исполняли исключительно возвышенные и благородные мелодии, княжна взялась играть непристойные песенки из весенних

домов, учитель сломался. Извергнув три шэна крови, он сослался на болезнь и сбежал.

Учителя живописи и игры на моринхуре оказались не столь впечатлительными и, что важнее, не имели подобных святынь, а потому благополучно уцелели.

После отставки двух учителей у Чэн Юй появилось немного свободного времени, чтобы выйти и подышать свежим воздухом. Каждый день на занятиях ей казалось, что Небеса собираются ее погубить, а на прогулках – что конец, может, не очень-то и близок. Вот так, без особого сопротивления, она и влачила свое безрадостное существование.

За эти дни Чэн Юй лишь однажды встретила Лянь Суна. Это случилось в усадьбе Сокровенных воспоминаний.

Усадьба Сокровенных воспоминаний, расположенная в западной части города, принадлежала тетушке княжны – великой старшей принцессе. Та не имела собственных детей, но обожала шум и веселье, поэтому каждую осень устраивала в своем доме состязания в искусствах и военном деле, где молодые знатные юноши и девушки могли помериться силами и, победив, получить драгоценные награды.

По словам самой Чэн Юй, ее устойчивости к мирским соблазнам мог позавидовать и монах, поэтому даже в самые трудные времена она отказывалась участвовать в соревнованиях ради денег. Однако, как знала Ли Сян, истинная причина отсутствия интереса со стороны госпожи крылась в том, что меняльные лавки отказывались принимать пожалован-

ные великой старшей принцессой награды, что делало их бесполезными для Чэн Юй. В этом же году ходили слухи, что в качестве награды за победу в стрельбе по ивам будет выставлена каллиграфия «Четыре стихотворения о пьянящих цветах эпифиллума» Шэнь Яньчжи, бесподобно талантливое творение не считалось драгоценностью императорского рода, и его было бы очень легко сбыть. Вот почему в этом году все имели честь лицезреть Чэн Юй среди участников.

Состязание по стрельбе по ивам проверяло мастерство стрельбы из лука верхом. Обычно для этого выбирали просторное поле, где высаживали ряд ивовых ветвей. Часть коры с верхушек срезали, обнажая белую древесину – это и было мишенью. Десять участников выстраивались в сотне чжанов от цели и, едва звучал гонг, мчались на конях, выпуская стрелы. Побеждал тот, кто не только перебивал ветвь, но и успевал ее подхватить.

Едва заняв место у начальной линии, Чэн Юй ощутила на себе чей-то пристальный взгляд.

Княжна была хороша собой, и, куда бы ни пошла, везде находились люди, украдкой смотревшие на нее. Чэн Юй давно привыкла к направленным на нее взглядам. К тому же сегодня среди десяти участников значились лишь три девушки – внимание было неизбежно. Но в этот раз она смутно ощутила, что взгляд на ней остановил не праздный зевака. Потому что тот взгляд не был ни любопытствующим, ни изу-

чающим. Конечно, можно было предположить, что Чэн Юй переволновалась, вот ей и мерещится всякое... Вот только княжна совершенно точно знала, что все по-настоящему искусные стрелки давно служат в императорской гвардии, а нынешние участники – сплошь недоучки, так о каком волнении речь? Разумеется, ни о каком.

Тогда кто же смотрел на нее?

Ответ пришел, когда после удара медного гонга Чэн Юй пустила коня вскачь, натянула лук, выстрелила, а затем ловко подхватила с земли перебитую ветвь. Расслабившись, она невольно бросила взгляд на возвышающуюся над полем террасу – и увидела Лянь Суна.

Это было совершенно неожиданно, ведь на той высокой террасе должна была восседать великая старшая принцесса.

Поспешно швырнув ветвь евнуху, который бил в гонг на другом конце поля, Чэн Юй снова взглянула на террасу. Да, это определенно был третий братец Лянь. В первый раз она не заметила сидевшую подле него принцессу Яньлань, но теперь увидела, как та, облаченная в белое, склонилась к Лянь Суну, что-то оживленно рассказывая, а генерал слегка наклонил голову, слушая ее.

Чэн Юй видела только его профиль. Черный складной веер небрежно покоился на подлокотнике, словно отражая настроение своего скучающего господина.

Княжна хорошо знала вот такого третьего брата Ляня. Она долго смотрела на него, но он так и не повернулся в ее

сторону. Тогда она усомнилась: а ему ли принадлежал тот первый взгляд?

Чэн Юй поджала губы и опустила голову, лишь сейчас расслышав рев толпы. Вдруг кто-то резко дернул ее за рукав. Обернувшись, княжна увидела улыбающуюся молодую госпожу Ци, скрестившую руки на груди. Встретить ее здесь было неожиданно и радостно, и Чэн Юй на время отбросила неприятные мысли. Спешившись, она попала в крепкие объятия подруги.

Толпа рукоплескала ей непривычно долго. Зрители смотрели на Чэн Юй с неподдельным восхищением, что ее искренне озадачило. Ци Инъэр, ежегодно посещавшая эти состязания, с редким воодушевлением объяснила: стрельба по ивам всегда была настолько ужасна, что, если один-два участника вообще попадали в ветки, а не куда-нибудь еще, это уже считалось удачей. Оказалось, никто не ожидал, что Чэн Юй не только попадет в ветвь, но и переломит ее, да еще и подберет с земли – вот народ и сходил с ума.

Чтобы понять, насколько плачевным обычно был уровень соревнований, достаточно было взглянуть на остальных девятиерых участников: двое попали в ветви... вот только в чужие, трое промахнулись мимо всех ветвей вообще, еще двое проскакали мимо целей, так и не успев натянуть тетиву... Хотя, как отметила госпожа Ци, эти семеро еще были ничего. Они хотя бы позаботились о безопасности окружающих – в отличие от двух «героев», умудрившихся выпустить стре-

лы прямым в зрителей.

Ци Инъэр редко говорила так долго за один раз. Ей захотелось пить, и она достала из рукава мандарин. Заметив, что Чэн Юй тоже хочет пить, она отдала фрукт подруге, сказав, что сорвет еще парочку в саду впереди, а княжна пусть стоит на месте и никуда не уходит.

Проводив госпожу Ци взглядом, Чэн Юй увидела, как зрители расходятся по другим полям. Немного поколебавшись, она украдкой взглянула на террасу.

Увы, рассмотреть она ничего не успела.

Затем княжна вспомнила, что Лянь Сун уже давно не обращает на нее внимания. Он ее избегает, а она все равно о нем думает. Как же она безнадежна!

Разозлившись на саму себя, Чэн Юй раздраженно нахмурилась. Сдерживая желание снова поднять глаза, она угрюмо принялась чистить мандарин.

Именно в этот момент все пошло наперекосяк.

Взбешенный конь внезапно вырвался с поля и, сбив по пути парочку зазевавшихся зрителей, помчался прямо на Чэн Юй.

Первым порывом княжны было отскочить, но она забыла, что держит в руках поводья своего скакуна, Персика. Задумавшись, она неосознанно намотала их на запястье и теперь в миг опасности, разумеется, не могла освободиться.

Персик, испугавшись несущегося на него жеребца, громко заржал и рванул вперед. Чэн Юй не успела опомниться, как

оказалась на земле, и ее потащило за обезумевшим конем.

Тело больно билось о землю. Ей показалось, что кто-то позади закричал: «А-Юй!» – но больше она уже ничего не слышала. В висках гудело, словно около них били в два огромных барабана, грохот которых заслонял все прочие звуки и громоподобным эхом отдавался у нее в голове.

Персик был драгоценным скакуном, которого для княжны достал Чжу Цзинь. Такой жеребец мог без передышки проскакать тысячу ли, обгоняя ветер. Так что, если он понесся во весь опор, шутки кончились. Очнувшись от первого потрясения, Чэн Юй поняла: надо спасаться, иначе она останется здесь навечно.

В этот момент перед глазами мелькнула стальная вспышка. Что-то перерезало поводья, и страшная сила, тянущая ее вперед, внезапно исчезла. Чэн Юй перекатилась по земле два раза. Когда чьи-то руки схватили ее за плечи, голова еще кружилась.

Княжна прижала ладони к пульсирующим от боли вискам и услышала вопрос:

– Как ты? Ты ранена?

Чэн Юй собралась уже поблагодарить спасителя, но, открыв рот, обнаружила, что голос пропал.

Незнакомец схватил ее за руку, и она зашипела от боли.

– Очень больно? – Он тут же отпустил.

Чэн Юй моргнула. Зрение наконец прояснилось, и она разглядела своего спасителя, который стоял перед ней на од-

ном колене, обеспокоенно вглядываясь в ее лицо. К удивлению княжны, это был Цзи Минфэн.

На миг она опешила: что здесь делает княжич Цзи? Но потом вспомнила, насколько знамениты состязания великой старшей принцессы. Вполне естественно, что Цзи Минфэн тоже пришел посмотреть.

Только теперь Чэн Юй с опозданием почувствовала боль. Все ее тело горело. Когда Цзи Минфэн с белым как полотно лицом поднял ее на руки, она содрогнулась от боли. Княжич окаменел, в его голосе прозвучала несвойственная ему растерянность:

– Потерпи немного. Я отнесу тебя к лекарю. – Он даже попытался успокоить ее: – Лекарь ждет в соседнем дворе. Он посмотрит тебя, и боль пройдет.

Такая реакция Цзи Минфэна озадачила Чэн Юй. Если даже выдавший виды хладнокровный княжич так встревожен... Наверное, она скоро умрет. Но у нее всего лишь болело тело, Чэн Юй даже не кашляла кровью, а значит, все же имелась надежда, что она проживет еще чуть-чуть...

Чэн Юй успокоилась и, преодолевая боль, выдавила сквозь зубы, пытаясь утешить молодого господина Цзи:

– Не... не так уж... мне и больно, т-только иди... идите помедленнее... т-трясет...

Чтобы попасть к лекарю в соседний двор, нужно было неминуемо пройти мимо смотровой террасы, что располагалась перед площадкой для стрельбы по ивам.

Чэн Юй сама не поняла, почему, когда Цзи Минфэн проносил ее мимо, она снова взглянула наверх. Она даже не задумывалась, что ожидает или что *хочет* увидеть. Княжна просто не смогла удержаться.

От тряски перед глазами все плыло, но Чэн Юй разглядела: Лянь Сун по-прежнему находился на смотровой террасе. Казалось, он совершенно не заметил переполоха, который устроил Персик, волоча княжну за собой. В этот момент генерал уже встал; его правая рука с веером слегка касалась подлокотника коляски принцессы из красного дерева, а левой он взялся за спинку – явно собирался увезти Яньлань.

Девятнадцатая принцесса чуть повернулась, глядя на него снизу вверх. Неясно, говорила ли она что-то, но Лянь Сун не наклонялся, сохраняя разделяющее их расстояние. Однако его взгляд был опущен, должно быть, он смотрел на принцессу.

Оба были в белом, оба хороши собой – картина вышла на редкость великолепной, особенно на фоне золотистых ветвей огромной ивы у террасы. Вид, достойный кисти художника.

Но почему-то при взгляде на эту спокойную и прекрасную картину Чэн Юй сделалось тягостно.

В тот момент она наконец осознала, чего ждала на самом деле.

Она ждала, что Лянь Сун проявит заботу.

Хотя ни беда, в которую Чэн Юй только что попала, ни по-

лученные раны не казались ей чем-то серьезным, в глубине души она все же надеялась, что Лянь Сун будет волноваться. Тогда она могла бы успокоить его, как утешала княжича Цзи – мол, не так уж ей и больно, просто он идет слишком быстро и ее трясет.

Да, тайком княжна желала, чтобы ее спасителем оказался не Цзи Минфэн, а Лянь Сун. Она и сама не могла объяснить, почему надеялась на это. Наверное, просто чувствовала: это он должен был ее спасти.

Но он ее не спас.

На сердце вмиг потяжелело. Неужели Лянь Сун ее больше не любит, неужели больше не заботится о ней?

Отношения между людьми – штука тонкая. Порой человеку может внезапно опротиветь другой человек, и для этого не нужно никакой причины. Чэн Юй знала это, знала давно, просто упрямо верила, что между ней и третьим братцем Лянем особенная связь и к ним это все не относится.

А почему, собственно, не относится?

Чэн Юй никогда не задавалась этим вопросом, а теперь задалась и поняла – ее выводы не имеют под собой никакого основания. В этот миг она испытала небывалую растерянность.

Белая фигура на террасе вот-вот должна была исчезнуть из виду: несший ее на руках Цзи Минфэн уже заворачивал за искусственную горку. В последний миг княжне показалось, будто Лянь Сун наконец поднял голову и посмотрел на нее.

Но нет, быстро осознала она, это была лишь иллюзия. На таком расстоянии он был для нее лишь белым пятнышком, из-за чего было решительно невозможно разглядеть его движения.

Наверное, Чэн Юй так отчаянно хотела, чтобы он заметил ее, что у нее разыгралось воображение.

Какая же она никчемная!

Раны, покрывавшие ее тело, вдруг заболели в сто раз сильнее, но Чэн Юй лишь стиснула зубы, не издав ни звука. Довольно на сегодня разочаровываться в себе.

Последующие дни Чэн Юй провела в постели. Все близкие друзья навестили ее в пагоде Десяти цветов. Даже наставник государства, с которым их связывало лишь короткое путешествие в Загробный мир, заглянул проведать.

Но Лянь Сун не пришел.

Ли Сян, которая присматривала за княжной по ночам, говорила, что слышала, как та тихо плачет во сне. Сама Чэн Юй этого не помнила. Однако Ли Сян не стала бы лгать.

Служанка беспокоилась, но утешить ее Чэн Юй не могла.

Она сама не понимала причины своих ночных слез. Одно она знала точно: все эти дни ей было очень грустно.

Говорят: если крыша протекает, дождь будет лить всю ночь. Беда не приходит одна. На пятый день, едва оправившись от ран, Чэн Юй получила награду от великой старшей принцессы. Увы, это была не каллиграфия Шэнь Яньчжи, а набор головных украшений.

Как сказали Чэн Юй, она с легкостью победила в состязании, где годами никто не мог добиться успеха, и прославила императорский род. Это привело великую старшую принцессу в такой восторг, что «Четыре стихотворения о пьянящих цветах эпифиллума» теперь казались ей недостойной наградой. Она несколько дней рылась в сундуках, пока не нашла головной убор с павлинами, подаренный ей покойным императором Жуй-цзуном. Только подобная награда, по мнению великой старшей принцессы, могла выразить ее глубокое восхищение юной княжной.

Убор и впрямь был великолепным. Его украшали семь драгоценностей, и с первого взгляда становилось понятно, что цена ему – несколько городов. Проблема состояла в одном: по законам Великой Си, украшения с павлинами могли носить лишь принцессы и княжны. Спрашивается, какая меняльная лавка осмелится их принять?

От досады Чэн Юй едва не слегла вновь.

Но что еще убийственнее: великая старшая принцесса радостно доложила о достижениях Чэн Юй императору, наде-

ьясь выхлопотать для нее дополнительные награды.

Великая старшая принцесса руководствовалась, конечно, благими намерениями, вот только она и не подозревала, что в эти дни Чэн Юй должна была заниматься живописью и музыкой, как требовал того император. Ее вообще не должно было быть на этих состязаниях. Разумеется, государь тут же узнал, что Чэн Юй прогуляла уроки... Награду не привезли. Вместо нее, едва княжна встала с кровати, в пагоду Десяти цветов доставили указ о семидневном заключении. Чэн Юй чуть не лопнула от злости. Зато Чжу Цзинь в тот вечер с радостью пригласил Яо Хуана пропустить чашечку-другую молодого винца.

Сидеть дома наказанной Чэн Юй привыкла, но вот сидеть дома, целыми днями внимая наставникам по живописи и игре на моринхуре, еще и в тройном объеме, ей никогда не предоставлялась возможность. Через два дня Чэн Юй была совершенно разбита: тело и душа ее пребывали в страданиях.

Узнав о бедственном положении подруги, Ци Минфэн и Ци Инъэр прибыли ее навестить. Княжич, сидя в шатре, умел разрабатывать план сражения, сердце его болело за Поднебесную, да и вообще он был мастак по части свершения великих дел, но в вопросах утешения человека, у которого учеба вот-вот пойдет горлом, он оказался беспомощен. После долгих раздумий Ци Минфэн мог лишь посоветовать «потерпеть».

Зато обычно немногословная госпожа Ци, как всегда, попала в самую точку:

– Думаешь, твои учителя рады лицезреть тебя каждый день? Конечно, нет. Раньше они видели тебя лишь полтора часа в день, а после могли отдыхать, восстанавливая душевное равновесие. Теперь же они вынуждены находиться рядом целыми днями, поскольку не могут не подчиниться императорскому указу. Мне кажется, им приходится похуже твоего. Полюбуйся, как корежит твоего наставника по игре на моринхуре, когда ты играешь, – и все поймешь.

Увидев, что Чэн Юй угрожающе поднимает смычок моринхура, Ци Инъэр благоразумно заторопилась:

– О, ты собираешься играть? Тогда мы пойдем.

Позже Чэн Юй последовала совету и внимательно понаблюдала за учителями. Действительно, им приходилось еще хуже, чем ей. Мысль о том, что кто-то страдает больше нее, принесла умиротворение.

Семь дней пролетели незаметно.

Княжич Цзи оказался настоящим другом – после осво-

бождения Чэн Юй он забронировал всю башню Цзяндун, чтобы отпраздновать. После трех кувшинов «Пьянящего ветра» Чэн Юй, как и следовало из названия, опьянела и, облокотившись на перила, за пеленой дождя увидела в переулке напротив два зонта из промасленной бумаги.

Зонт идущего впереди был огромным, а позади – обычным. На их белой поверхности художник тушью начертил лотосы. Сама Чэн Юй писала картины так себе, зато неплохо в них разбиралась. Она не могла не восхититься работой: окутанные изморосью чернильно-черные лотосы будто расцветали в дожде. Это было так прекрасно, что княжна не удержалась и взглянула на зонтики еще раз.

Владельцы зонтов один за другим вошли в лавку диковинок напротив.

Из-под переднего зонта показался край лиловой юбки и половина деревянного колеса. Чэн Юй, которая как раз решила отпить вина, поперхнулась. Прикрыв рот рукой, она откашлялась и, когда вновь посмотрела на лавку напротив, увидела, как слуга взял раскрытые зонты у гостей.

Да, она не ошиблась.

Под зонтами и впрямь оказались Лянь Сун, Яньлань и Тянь Бу.

Они не стали заходить в глубь лавки – справа у входа виднелась стойка, на которой были разложены искусно украшенные маски. Яньлань, похоже, заинтересовалась ими. Подкатив коляску к стойке, своими изящными ручками она взяла

черную маску, что-то с улыбкой сказала и протянула ее Лянь Суну. Тот принял маску, некоторое время ее рассматривал, а потом надел.

Чэн Юй оцепенело наблюдала за сценой.

Лянь Сун в маске внезапно поднял голову и посмотрел в ее сторону. Чэн Юй быстро присела. Поднял ли он голову потому, что ощутил ее взгляд? Княжна не знала. Прежде она бы непременно помахала ему, но теперь, едва уловив его движение, спряталась за перилами, не успев ни о чем подумать.

Сквозь щель она увидела, как Лянь Сун замер, слегка запрокинув голову, и стоял так довольно долго.

Только теперь она разглядела маску – то было изящное человеческое лицо, похожее на образы богов литературы, которым поклоняются в храмах. Выкрашенная в черный и покрытая сложными узорами, нанесенными расплавленным серебром, маска очаровывала и пугала одновременно. Поскольку сегодня шел дождь и сумерки сгустились раньше обычного, слуга зажег фонари у входа в лавку. Мягкий красный свет окутал великого генерала, окрасив его белые одежды. С этой маской на лице, стоя в алом сиянии, Лянь Сун походил на прекрасного злого бога.

Чэн Юй не могла сказать наверняка, заметил ли он ее. Долгое время спустя он повернулся и снял маску.

Хозяин лавки вышел проводить почетных гостей дальше внутрь. Сначала козырек крыши скрыл лицо Лянь Суна, а

затем и всю его фигуру. Теперь Чэн Юй видела только капли дождя, стекающие по черной черепице в красных отсветах фонаря, словно слезы, текущие по щекам нарумяненной красавицы, – воплощение нежной печали.

Чэн Юй стало холодно.

Когда Ци Инъэр нашла княжну, та сидела на гребне крыши башни Цзяндун, обхватив колени и спрятав лицо. Кажется, она уснула. Для пьяной Чэн Юй забраться на крышу было привычным делом, поэтому госпожу Ци не удивил ее поступок. Вот только с полудня моросил дождь – хоть и мелкий, но, если долго под ним находиться, можно и заболеть.

Взглянув на пустые кувшины у ног Чэн Юй, молодая госпожа Ци поняла, что та сидит здесь уже давно. Она поспешно проверила ее шею и воротник и обнаружила, что одежда княжны промокла насквозь, а кожа на ощупь как лед. У Ци Инъэр дрогнуло сердце. Она приобняла княжну со спины, собираясь унести ее вниз к лекарю.

Но Чэн Юй внезапно подняла голову и движением руки остановила подругу. Лишь потом до нее дошло, что перед ней молодая госпожа Ци, и княжна, будто бы обрадовавшись, подвинулась к ней:

– А, это ты, Сяо-Ци! Здорово, что ты пришла. Посиди со мной.

Волосы на висках Чэн Юй вымокли, а лицо пылало – то ли от опьянения, то ли от жара.

Молодая госпожа Ци дотронулась до ее лба и нахмури-

лась:

– Ты вся горишь. Пойдем вниз.

Чэн Юй будто не слышала:

– Знаешь, я наконец вспомнила, почему плачу во сне.

Княжна бредила. Молодая госпожа Ци не стала реагировать, лишь принялась вытирать ее мокрые волосы.

– Я поняла, – продолжила Чэн Юй тише, – что, возможно, никогда не была для третьего братца Ляня единственной.

Она сжала губы.

– Мне так больно.

Руки Ци Иньэр замерли. Помолчав, она наконец произнесла:

– Ты любишь заводить друзей, но никогда не стремилась стать для кого-то единственной.

– Угу, – пробормотала Чэн Юй, затем задумалась. – Но третий братец Лянь не друг. Он... брат.

Она запнулась.

– Хотя нет, не брат.

Дождь снова намочил ей лоб. Молодая госпожа Ци вытерла капли и еще раз попыталась поднять подругу на спину, попутно отвлекая вопросом:

– Тогда кто же он?

Чэн Юй задумалась и стала сговорчивее. Когда Ци Иньэр наконец подняла ее и уже собиралась быстро спуститься, та вдруг прошептала ей на ухо:

– Он... особенный. – И добавила тихо, словно говоря са-

мой себе: – Очень.

За следующие полмесяца молодая госпожа Ци ни разу не слышала от Чэн Юй упоминаний о Лянь Суне. Но это не значило, что генерал Лянь исчез из их жизни.

На самом деле они сталкивались с ним дважды.

Первый раз – у входа в башню Вольных птиц. Лянь Сун с Яньлань как раз входили, когда подруги вместе с княжичем Ци спускались с верхнего этажа.

Узнав о привязанности Чэн Юй к третьему братцу Ляню, Ци Иньэр тайком разузнала о нем, так что теперь ей было известно: Яньлань – его двоюродная сестра. Дошло до молодой госпожи Ци и то, что третий братец Лянь всегда хорошо относился к девятнадцатой принцессе. Она с трудом ходила, нравом отличалась замкнутым и надменным, поэтому раньше, когда у генерала появлялось свободное время, он часто выводил ее из дворца.

Окинув взглядом эту парочку, молодая госпожа Ци обернулась к Чэн Юй, которая только что шла рядом с ней, но никого не увидела. Позже выяснилось, что та вернулась на-

верх и спустилась через задний выход.

Она пряталась от Лянь Суна.

Молодая госпожа Ци хорошо помнила, что еще недавно Чэн Юй целыми днями ходила к дому генерала Ляня, а в пьяном бреду называла его «особенным». Почему же она вдруг начала его избегать? Все это не укладывалось у Ци Иньэр в голове.

Второй раз они увидели Лянь Суна в одиночестве покупающим сладости в лавке «Медовая сокровищница». Чэн Юй с подругой тогда пили чай в дальнем зале.

Молодая госпожа Ци уже достаточно понаблюдала за этими двумя, так что будто бы более-менее разобралась в произошедшем. Между Чэн Юй и ее третьим братцем Лянем явно что-то произошло, и им не хватало шанса поговорить. Посчитав, что сейчас самое время прояснить ситуацию, Ци Иньэр схватила Чэн Юй за рукав и потащила ее к выходу, намереваясь перехватить там Лянь Суна.

В итоге едва они вышли за дверь, как позади раздался треск рвущейся ткани – и натяжение в руке исчезло. Обернувшись, молодая госпожа Ци обнаружила, что Чэн Юй отрезала кинжалом половину рукава. Отступив на три шага и вжавшись в угол стены, княжна очень твердо заявила:

– Не сейчас. Я еще не все обдумала.

Молодая госпожа Ци изначально не собиралась забывать о своей первоначальной цели. Нужно было вытащить Чэн Юй наружу, потому что, если они с ее братцем Лянем про-

должат в том же духе, княжне станет хуже и Ци Инъэр самой будет не по себе. Вот только в моменте молодую госпожу Ци заинтересовало другое, и она не удержалась от вопроса:

– Что за дрянь эта твоя одежда? Почему она рвется от одного касания?

Чэн Юй осторожно вложила кинжал в ножны.

– Не ругай платье.

Она пристегнула ножны к поясу и похлопала по ним.

– Это сокровище мне пожаловал братец-император. Кинжал выковали из редчайшего железа, которое встречается раз в сто лет. Дунешь на волосок – и он его рассечет, железо вообще режет, как глину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.